

Мухамеджанова Нурия Мансуровна

ФЕНОМЕН ПРОВИНЦИИ И ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Целью статьи является обоснование роли провинции и провинциальной культуры в социокультурном развитии общества, цивилизации. Отталкиваясь от тезиса С. В. Пирогова о синдроме маргинальности, присущей провинции, автор доказывает, что провинциальная культура, во-первых, обеспечивает вариативность, разнообразие и "цветущую сложность" общенациональной культуры; во-вторых, в периоды модернизации выступает как механизм защиты общества от ее негативных последствий и сохранения культурной самобытности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/7/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(81) С. 143-146. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

прошлого и настоящего, выполняя тем самым задачи актуализации культурного и художественного наследия, с чем прекрасно справляется музей Фаберже.

Памятники искусства, экспонирующиеся в музее Фаберже, в свою очередь, как и изделия Средних веков, служат объектами вдохновения для современных мастеров-ювелиров, создающих произведения в обновленном «русском стиле», наглядно демонстрируя связь времен, истории и современности.

Список источников

1. **Бранский В. П.** Искусство и философия. Калининград: Янтарный сказ, 1999. 704 с.
2. **Кириченко Е. И.** Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII – начала XX века. М.: Галарт, 1997. 431 с.
3. **Лисовский В. Г.** Архитектура России XVIII – начала XX века. Поиски национального стиля. М.: Белый город, 2009. 568 с.
4. **Лопато М. Н.** Коллекция Форбса // Антикварное обозрение. 2005. № 3. С. 6-11.
5. **Лопато М. Н.** Ювелиры старого Петербурга. СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. 272 с.
6. **Постникова-Люсева М. М., Платонова Н. Г., Ульянова Б. Л.** Золотое и серебряное дело XV-XX веков. М.: Юнвес; Трио, 1995. 318 с.
7. **Савельев Ю. Р.** Николай Владимирович Султанов. СПб.: Лики России, 2009. 349 с.
8. **Скурлов В. В.** История и традиции фирмы Фаберже в камнерезном искусстве России (конец XIX – начало XXI в.): автореф. дисс. ... к. искусствоведения. СПб., 2012. 31 с.
9. **Смородинова Г. Г.** Золотое и серебряное дело Москвы рубежа XIX и XX веков. Из собрания Государственного Исторического музея // Музей 10. Художественные собрания СССР: сборник статей / сост. А. С. Логинова. М.: Советский художник, 1989. С. 58-71.
10. **Хобсбаум Э.** Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47-62.
11. **Юдин М. О.** Золото-серебряная фирма Овчинникова. Русский стиль и национальные традиции в изделиях предприятия: автореф. дисс. ... к. искусствоведения. М., 2016. 34 с.

**IMAGE OF THE RUSSIAN TSAR AND THE MIDDLE AGES IN JEWELLERY
(ON THE ISSUE OF “RUSSIAN STYLE” IN THE ITEMS FROM FABERGE MUSEUM COLLECTION)**

Mut'ya Natal'ya Nikolaevna, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor
Saint Petersburg University
mutianata@yandex.ru

The author examines meaningful and formal aspects of “Russian style” in the domestic jewellery of the second half of the XIX century by the example of Faberge Museum collection. Using methods of modern art criticism the paper identifies the basic features of “Russian style” in decorative and applied arts. Special attention is paid to implementing the image of the Russian ruler of the past and the Middle Ages in the jewellery of the leading Russian firms of the second half of the XIX – the beginning of the XX century.

Key words and phrases: “Russian style”; decorative and applied arts; jewellery; historicism; eclecticism; image of ruler; Faberge Museum.

УДК 304.2

Философские науки

Целью статьи является обоснование роли провинции и провинциальной культуры в социокультурном развитии общества, цивилизации. Отталкиваясь от тезиса С. В. Пирогова о синдроме маргинальности, присущей провинции, автор доказывает, что провинциальная культура, во-первых, обеспечивает вариативность, разнообразие и «цветущую сложность» общенациональной культуры; во-вторых, в периоды модернизации выступает как механизм защиты общества от ее негативных последствий и сохранения культурной самобытности.

Ключевые слова и фразы: провинция; провинциальная культура; синдром маргинальности; традиционность и современность; модернизация; культурная самобытность; защитный механизм.

Мухамеджанова Нурия Мансуровна, д. культурологии, доцент
Оренбургский государственный университет
nuriyat@yandex.ru

**ФЕНОМЕН ПРОВИНЦИИ И ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ**

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) и Правительства Оренбургской области (грант № 17-13-56001).

Отношение к провинции в российской науке достаточно противоречиво. С одной стороны, российская провинция рассматривается как «тормоз» реформаторской деятельности столицы, как главная причина откатов и срывов модернизационных процессов в России. С другой, – трактуется как «настоящая, истинная» Россия в противовес «неукорененной» Москве [2, с. 78].

В российской гуманитарной науке пока не существует единого, общепринятого определения провинции. Разные авторы дают свои определения этого феномена, исходя из своих исследовательских задач и методологических парадигм. В целом же в результате анализа различных дефиниций можно выделить два основных семантических аспекта в трактовке понятия «провинция»: 1) это характеристика удаленности определенной территории от центра, 2) административно-территориальная единица в составе страны.

Также разнообразны трактовки исследователями феномена провинциальной культуры. Как считает И. А. Купцова, для анализа культуры провинции вполне уместно использовать понятие «локальная культура», которое определяется как «культура, рассматриваемая в определенном пространственно-временном континууме безотносительно к ее масштабу и количеству выделенных признаков» [4, с. 12]. В таком случае провинциальную культуру можно определить как специфическую форму бытия общенациональной культуры, обладающую своеобразием, обусловленным условиями ее существования.

С точки зрения С. В. Пирогова, различие между провинциальным и «глобальным городом», столицей состоит в степени инновационности или представленности новых элементов в образе жизни и среде их жителей. Автор утверждает, что для ментальности провинциальных городов характерен разрыв между традиционным и современным укладами жизни. Поэтому сознание и поведение жителей провинции амбивалентно и антиномично. Провинциальность – синдром маргинальности: культурной, статусной, территориальной [7, с. 131-132]. Следует отметить, что в данных рассуждениях о специфике провинции понятие «маргинальность» приобретает по преимуществу негативный оттенок, ассоциируясь с социокультурной ущербностью, неполноценностью личности или социальной группы. Однако понятие маргинальности, если понимать под ним промежуточное положение индивидов и групп, может характеризоваться и позитивными параметрами, на что указывают разные исследователи [5, с. 5-6; 8, с. 113].

Рассмотрим, какой смысл может содержать понятие маргинальности применительно к провинции и провинциальной культуре. Прежде всего, следует подчеркнуть, что дихотомия «традиционность – современность» является базовой для ранних теорий модернизации, которые осмысливали традицию как препятствие на пути к современности, подлежащее обязательному слову, преодолению. Однако в более поздних теориях обосновывается неправомерность противопоставления традиций и новаций, традиционности и современности, отождествление одних с отсталостью, а других – с прогрессом, имеющим универсальный характер. Более того, признается, что общество, разрушающее традиционные механизмы обеспечения социального порядка, само подвергается хаосу и разрушению, так как традиция обеспечивает: а) легитимацию социальных реформ через апелляцию к традиционным ценностям; б) социокультурное единство и консолидацию общества вокруг целей общественного развития; в) определенный баланс целей стабильности и развития. А значит, успешная модернизация возможна только при условии опоры на собственную традицию, использования традиции как предпосылки модернизации.

Во-вторых, маргинальным является любое общество, вставшее на путь кардинальных реформ, так как главной проблемой модернизации, в какой бы стране она ни происходила, является проблема взаимодействия традиций и новаций, адаптации элементов, заимствованных из других культур, к исконной культурной традиции и легитимации социальных перемен. Поэтому процесс перехода от «традиционности» к «современности» у некоторых стран, в частности России, занимает не одно столетие.

В-третьих, известно, что понятие маргинальности применительно к городу и городской культуре впервые использовал Р. Парк, который считал маргинальность характеристикой любого города, в том числе крупного центра, связывая данную особенность с социокультурной гетерогенностью, динамизмом и мобильностью города. Более того, в современном обществе, когда проблема социальной идентификации личности приобретает особую остроту, любой человек в какой-то степени является маргиналом. Поэтому дихотомия «традиционность – современность», характерная для провинциальной культуры, не является специфической, присущей исключительно ей характеристикой.

Попробуем осмыслить данный феномен с позиций других методологических парадигм. Так, в рамках современной цивилизационной теории феномен провинции осмысливается в контексте взаимодействия большой и малой традиций культуры (Р. Редфилд, М. Сингер). «Большая традиция» находит свое отражение в общенациональных формах культуры, в то время как «малая традиция» представляет собой локальное проявление общенациональной культурной специфики и в большей степени связана с этническим уровнем культуры. «Большая традиция» воплощает в себе унифицирующее, гомогенизирующее начало любой культуры, «малая традиция» – ее вариативность, разнообразие, сложность. В силу этого культура любой зрелой цивилизации имеет широкое социальное, территориальное и временное разнообразие, а также определенные устоявшиеся механизмы взаимодействия между различными уровнями, элементами культуры, ядром и периферией культуры и пр. Именно это разнообразие «малой традиции» позволяет характеризовать культуру любой цивилизации как «цветущую сложность», обеспечивает ее адаптивный потенциал, возможность приспособливаться к самым различным обстоятельствам. Такая культурная гетерогенность присуща, прежде всего, российской цивилизации. Обладая определенным ценностно-смысловым единством, локальные культуры России предельно разнообразны и самобытны, что объясняется природно-климатическими, культурно-историческими факторами их формирования и становления, особенностями этногенетических и этноконфессиональных процессов в различных регионах страны и т.д. И в то же время, существуя в условиях цивилизации имперского типа, данные культуры выработали общие ценностно-смысловые представления, освоили межкультурный диалог, который стал основой стабильности российского общества.

Достаточно продуктивным для исследования провинциальной культуры является использование дихотомии центр-периферия культуры-цивилизации (Э. Шилз). В социально-организационном аспекте взаимодействия центра и периферии в качестве центра культуры-цивилизации выступают государство, властные структуры, система управления, в качестве периферии – социально-организационные структуры локального характера.

С позиций Д. Г. Горина, центральные структуры, обеспечивающие вертикальную тенденцию цивилизационной интеграции, связаны с архетипом Отца. Периферические структуры, связанные с архетипом Матери, отражают горизонтальную тенденцию цивилизационной интеграции, которая «непосредственным образом вырастает из локально-антропоморфных хронотопов и структур жизненного мира» и «охватывает социокультурную ориентацию на локальный мир, кровные узы, связь с землей» [1, с. 119]. Архетип матери-земли лежит в основе любви человека к своей «малой родине», к своим «корням» и «истокам». В отличие от понятий «отечество», «отчизна», восходящих к образу Отца, понятие «родина» связано, прежде всего, с провинциальной культурой. Поэтому провинциальная культура – это не только географическое, но и духовное понятие, отражающее культурную среду с особой системой ценностей, житейскими понятиями, этикой и эстетикой, языком. Ключевым образом провинциальной культуры является образ дома как микрокосма, воплощающего в себе представления о гармоничном устройстве пространства, о неразрывном единстве природного и социального [Там же, с. 120-122].

Проблема взаимоотношения между столицей и провинцией может быть осмыслена также в контексте взаимодействия культуры и цивилизации в едином социокультурном пространстве. Так, в современной России большие города, столицы являются центрами цивилизации, в то время как малые города, провинция выступают как хранилища традиционной национальной культуры. Анализируя современную российскую социокультурную ситуацию, А. С. Панарин пишет: «Крупные города играют роль “силовых полей”, концентрирующих цивилизационные факторы, – науку, технику и технологию, современные средства общения, словом, все то, что выражает момент “всеобщности” в социальном бытии людей. Малые города все больше выступают как центры культуры, оберегающие свою самобытность, исторические традиции, неповторимый природный и культурный ландшафт. Малый город становится носителем новейшей тенденции, связанной с переходом от техноцентризма к антропо- и экоцентризму» [6, с. 39-40].

Специфическими особенностями провинциальной культуры, отличающими ее от культуры мегаполисов, являются такие ее черты как: тесная связь природного и культурного пространств, многообразие связей с этническими традициями, включенность культуротворчества в повседневность провинциальной жизни, близость к земле, размеренный ритм жизни, непосредственная близость и частота контактов в сфере личного взаимодействия, консерватизм, традиционализм и др. Однако именно эти черты, характеризующие провинцию как нечто застывшее во времени и пространстве, позволяют жителям провинции избегать тех духовных проблем, о которых писал Г. Зиммель, характеризуя духовную жизнь западных мегаполисов. «Повышенная нервность жизни», характерная для больших городов и являющаяся следствием сложности и противоречивости внешних впечатлений, порождает «преобладание интеллектуального характера душевной жизни» в ущерб «проявлениям души и отношений, основанных на чувстве» [3]. В этих условиях средствами защиты горожанина от «насилия большого города» становятся рассудочность, рациональность, бесчувственное равнодушие, замкнутость и обособленность жителей мегаполисов, антипатия и антагонизм практической жизни. Именно эти черты городской жизни, по мысли философа, были главной причиной той страстной ненависти, которую испытывали к большому городу Ницше и Рескин. Житель мегаполиса, в отличие от жителя малого города, более свободен, однако оборотной стороной этой свободы становится одиночество человека, которое «нигде не чувствуется так сильно, как в тесной сутолоке больших городов, потому что физическая близость и скученность только подчеркивают духовную отдаленность» [Там же].

В этом смысле провинциальный город воплощает в себе те особенности, которым придается особое значение в процессе перехода от индустриальной фазы развития общества к постиндустриальной: возрастающая роль «человеческого фактора» и социально-гуманитарного знания (вместо технического фактора и соответствующих отраслей науки); постэкономические приоритеты и культуроцентризм (вместо экономикоцентризма предшествующей эпохи и трудовой аскезы как морали); возвращение к культурным доминантам, к духовно-религиозному способу жизненной ориентации; экологизм, органицизм и др. [6, с. 340-341].

Следует также сказать, что в периоды модернизационных «скачков», характеризующихся противоречивым взаимодействием традиционности и современности, провинция выступает как социокультурное пространство, в котором происходит гармонизация, балансировка центробежных и центростремительных тенденций в развитии страны. В данном случае именно провинциальная культура выступает как защитный механизм от негативных последствий модернизации. Как известно, особенностью российской модернизации является ее циклический характер, когда периоды реформ сменяются периодами контрреформ, «откатов» в развитии, необходимых обществу для синхронизации инновационных процессов в различных сегментах социокультурного пространства. Таким образом, «откаты» в социальном развитии становятся способом снятия противоречий между развитием и преемственностью и отражают пространственный аспект распространения инноваций «вширь», на периферию культуры, где они либо отвергаются, либо усваиваются, адаптируясь к исконной культурной традиции [1, с. 181-182]. Поэтому в периоды реализации модернизационных проектов особую значимость приобретает требование учета локальной традиции, от которой зависит успешность российских реформ. В случае же соответствия заимствованных элементов исконной культурной традиции провинция может брать на себя функцию трансляции новаций, когда инокультурные элементы в силу обширности социокультурного пространства цивилизации распространяются от крупных центров, столичных городов к региональным центрам, а от них на периферию – к малым городам и селам.

Таким образом, провинциальная культура выступает, с одной стороны, как механизм сохранения культурной самобытности цивилизации в условиях усиливающегося инокультурного влияния, с другой – как своеобразный социокультурный фильтр, выполняющий функцию селекции новаций в соответствии с культурной спецификой и определяющий успешность закрепления новаций в локальной культуре, без чего процесс модернизации приобретает фрагментарный, «анклавный» характер.

Список источников

1. Горин Д. Г. Пространство и время в динамике российской цивилизации. М.: Едиториал УРСС, 2003. 280 с.
2. Звоновский В. Б. Российская провинция: массовое сознание и социальные институты // *Общественные науки и современность*. 2003. № 1. С. 78-89.
3. Зimmel Г. Большие города и духовная жизнь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (дата обращения: 13.03.2017).
4. Купцова И. А. Динамика русской провинциальной культуры второй половины XIX – начала XXI в. М.: РИЦ МГТУ, 2011. 316 с.
5. Мухамеджанова Н. М. Россия как маргинальная цивилизация // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2004. № 7. С. 5-8.
6. Панарин А. С. Философия политики: учебное пособие. М.: Новая школа, 1996. 424 с.
7. Пирогов С. В. Социология города: учебное пособие. М.: Новый учебник, 2004. 208 с.
8. Сергеева О. А. Особенности современных цивилизационных процессов. М.: МАТИ – РГТУ им. К. Э. Циолковского, 2002. 267 с.

PHENOMENON OF PROVINCE AND PROVINCIAL CULTURE IN THE SOCIOCULTURAL ASPECT

Mukhamedzhanova Nuriya Mansurovna, Doctor in Culturology, Associate Professor
Orenburg State University
nuriyam@yandex.ru

The article justifies the role of province and provincial culture in sociocultural development of the society, civilization. Relying on S. V. Pirogov's thesis on typical for the province marginality syndrome the author shows that provincial culture, firstly, provides variability, diversity and "strong heterogeneity" of national culture and, secondly, in modernization periods comes out as a mechanism to protect the society from its negative consequences and to preserve cultural identity.

Key words and phrases: province; provincial culture; marginality syndrome; traditionalism and modernity; modernization; cultural identity; protective mechanism.

УДК 9; 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются вопросы о месте и роли общественной благотворительности в системе гражданских отношений в России во второй половине XIX в. Автор исследует эволюцию благотворительности в истории страны от элементарных форм милосердия до реформ 60-70-х гг. XIX в., когда появляется принципиально иной тип – общественная благотворительность. Конкретные примеры из истории общественной благотворительности в Пермской губернии дают основания говорить о новой природе благотворительности, выступающей одним из факторов гражданского развития страны.

Ключевые слова и фразы: гражданское общество; благотворительность; реформы 60-70-х гг. XIX в.; местное самоуправление; благотворительные организации; благотворительные общества; меценатство; спонсорство; милосердие.

Невоstrуев Николай Алексеевич, д.и.н., доцент

Лядова Валентина Вячеславовна

Пермский государственный медицинский университет имени академика Е. А. Вагнера
nik772@yandex.ru; lyadovavalya@mail.ru

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

В современной литературе, в том числе и научной, можно встретить различную терминологию по отношению к такому социальному феномену, как благотворительность. Это понятие трактуется и как милосердие, и меценатство, и даже ставится знак равенства с современным словом «спонсорство» [9, с. 240; 12, с. 153; 13, с. 21].

Вероятнее всего, такое смешение понятий происходит из-за того, что они являются родственными по происхождению. Вместе с тем эти понятия отражают определенные исторические периоды, отличающиеся по своему формационному содержанию. Такое качество людей, как сострадание, милосердие, формируется в историческом процессе человеческого общежития, с периода становления первобытного общества и культуры. Однако его нормативные этические правила устанавливаются только с утверждения мировых религий в качестве ведущей идеологии общества и государств. Затем милосердие канонизируется и постепенно превращается в традицию, впитывая в себя и более ранние формы человеческих взаимоотношений во всем многообразии национального самосознания, становится образом жизни или ее образцом [2].

Меценатство как действие, направленное на поддержку таланта и творчества отдельных лиц или целой группы, характерно для феодального, традиционного общества. Создание учебных заведений различных профессиональных типов, художественных школ, училищ, музеев, театров, финансовая поддержка талантливых людей со стороны знаменитых и богатых аристократических фамилий и родов Российской империи – все это укладывалось в рамки традиционного самосознания дворянина-землевладельца.